

ВИСЕНТЕ БЛАСКО-ИБАНЬЕС

ЛУНА БЕНАМОР

Висенте Бласко-Ибаньес

Луна Бенамор

«Public Domain»

1911

Бласко-Ибаньес В.

Луна Бенамор / В. Бласко-Ибаньес — «Public Domain», 1911

«Уж приблизительно месяц Луис Агирре жил в Гибралтаре. Он приехал с намерением отплыть немедленно на океанском пароходе, чтобы занять место консула в Австралии. Это было первое большое путешествие за все время его дипломатической карьеры...»

© Бласко-Ибаньес В., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

I	5
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Висенте Бласко-Ибаньес

Луна Бенамор

I

Уж приблизительно месяц Луис Агирре жил в Гибралтаре.

Он приехал с намерением отплыть немедленно на океанском пароходе, чтобы занять место консула в Австралии. Это было первое большое путешествие за все время его дипломатической карьеры.

До сих пор он служил в Мадриде, в разных министерских департаментах или в разных консульствах южной Франции, элегантных дачных местечках, где в продолжении половины года жизнь походила на вечный праздник. Вышедший из семьи, все члены которой посвящали себя дипломатической карьере, он имел превосходную протекцию. Родители его умерли, но его поддерживали как родственники, так и престиж имени, которое целое столетие играло роль в государственной жизни. Консул в двадцать девять лет, он отправлялся в путь с иллюзиями студента, который готовится в первый раз увидеть свет, убежденный, что все до сих пор совершенные им путешествия не представляют ничего существенного.

Гибралтар с его смешением языков и рас был для него первым откровением того далекого, разнообразного мира, навстречу которому он отправлялся. На первых порах он был так поражен, что сомневался, является ли этот скалистый уголок, врезающийся в море и охраняемый иностранным флагом, частью родного полуострова. Но стоило ему только взглянуть с отвесных склонов скалы на большую лазоревую бухту, на розовые горы, на которых светлыми пятнами выделялись дома Ла Линеа, Сан Роке и Альхесирас, сверкая веселой белизной андалузских деревушек, и он убеждался, что все еще находится в Испании.

И однако различие между отдельными группами населения, ютившимися на берегу, похожем на заполненную морской водой подкову, казалось ему огромным. От выступавшего вперед мыса Тарифы до гибралтарских ворот он видел однообразное единство расы. Слышалось веселое щебетанье андалузского говора, виднелись широкие с отвислыми полями сомбреро, платки, облежавшие женские бюсты, и пропитанные маслом прически, украшенные цветами. Напротив – на огромной черно-зеленой горе, кончавшейся английской крепостью, замыкавшей восточную часть бухты, кишела толпа разнородных племен, царило смешение наречий, настоящий карнавал костюмов. Тут были индусы, мусульмане, евреи, англичане, испанские контрабандисты, солдаты в красных мундирах, моряки всех стран. Все они теснились на узком пространстве между укреплениями, подчиненные военной дисциплине. Утром после пушечного выстрела отворялись ворота этой международной овчарни; а вечером под гром орудия они снова запирались.

А рамкой для этой полной беспокойства и движения пестрой картины служила на дальнем горизонте, за чертой моря, цепь возвышенностей, марокканские горы, берег пролива, этого наиболее людного из всех больших морских бульваров, по голубым дорожкам которого то и дело мелькали большие быстрые корабли всех национальностей и всех флагов, черные океанские пароходы, прорезающие волны в поисках гаваней поэтического Востока или направляющиеся через Суэцкий канал в беспредельный, испещренный островами, простор Тихого Океана.

В глазах Агирре Гибралтар был как бы отрывком далекого Востока, ставший ему на пути, азиатская гавань, оторвавшаяся от материка и прибитая волнами к европейскому берегу, как образчик жизни отдаленных стран.

Он остановился в одном из отелей на Королевской улице, идущей вокруг горы; то было как бы сердце города, к которому сверху и снизу притекали, словно тонкие жилы, переулочки и переулочки. На заре он просыпался, испуганный утренним выстрелом из новейшего орудия, сухим и жестоким, без гулкового эхо, какое вызывают старые пушки. Дрожали стены, содрогался пол, звенели стекла, качались ставни и несколько мгновений спустя на улице поднимался все более разрастающийся шум спешащей толпы, топот тысячи ног, шепот негромких разговоров вдоль запертых, безмолвных зданий. То были испанские рабочие, приходившие из Ла Линеа на работы в арсенале и крестьяне из Сан Роке и Альхесирас, снабжавшие жителей Гибралтара овощами и плодами.

Еще было темно.

Над берегами Испании небо, быть может, уже было голубое и горизонт начинал окрашиваться от золотых брызг великолепно встававшего солнца. А здесь в Гибралтаре морской туман сгущался вокруг вершины горы, образуя нечто в роде темного зонтика, покрывавшего город, наполняя его влажным полумраком, орошая улицы и крыши неощутимым дождем. Этот вечный туман, покоившийся на вершине горы, словно зловещая шляпа, приводил жителей в отчаяние. То был, казалось, дух старой Англии, перенесшийся через моря, чтобы охранять её завоевания, обрывок лондонских туманов, дерзко застывший лицом к лицу с сожженными берегами Африки, в самом сердце солнечной страны.

Занималось утро.

Свет солнца, не встречавший на бухте никаких препятствий, проникал наконец в пространство между желтыми и голубыми домами Гибралтара, спускался в самую глубь его узких улиц, рассеивал туман, запутавшийся в деревьях Аламеда и в зелени сосен, тянувшихся вверх по горе, замаскировывая укрепления вершины, заставлял выступать из полумрака серые громады стоявших в гавани броненосцев и черные спины пушек береговых батарей; просачивался в мрачные амбразур, проделанные в скале, в эти отверстия пещер, эти откровения таинственных защитительных сооружений, созданных в самом сердце скалы с прилежанием кротов.

Когда не в силах заснуть от уличного шума Агирре сходил вниз и покидал отель, коммерческая жизнь на улице уже находилась в полном разгаре. Масса народа. Все население города и сверх него экипаж и пассажиры стоявших в гавани судов. Агирре вмешивался в сутолоку этой космополитической толпы. Он шел от кварталов Пуерта дель Мар и до дворца губернатора. Он сделался англичанином, как он, улыбаясь, выражался. Со свойственной испанцам инстинктивной приспособляемостью к обычаям всех стран, он подражал манерам гибралтарцев английского происхождения. Купил себе трубку, надевал на голову маленькую дорожную шляпу, засучивал брюки, а в руке держал маленькую тросточку. В тот самый день, когда он приехал, еще до наступления ночи, в Гибралтаре уже знали, кто он и откуда. Два дня спустя с ним раскланивались владельцы магазинов, стоя на пороге своих лавок, а празднующиеся, толкавшиеся группами на площадке перед биржей, обменивались с ним теми любезными взглядами, с которыми смотрят на иностранца в маленьком городе, где никто не может сохранить никакой тайны.

Он шел по середине улицы, сторонясь легких повозок с крышей из белой парусины. В табачных магазинах хвастливо красовались разноцветные надписи на фигурах, служивших торговым клеймом. В окнах были нагромождены, подобно кирпичам, пакеты с табаком и выделялись чудовищной величины сигары, которых нельзя было курить, завернутые в серебряную бумагу, точно колбасы. Сквозь убранные украшения двери лавок евреев виднелись прилавки, наполненные свертками шелка и бархата, а с потолка висели куски богатых кружев. Индусские торговцы выставляли на самой улице свои разноцветные экзотические богатства:

ковры, затканые страшными божествами и химерическими животными, коврики, на которых лотос был использован для самых странных комбинаций, кимоно, окрашенные в мягкие неопределимые цвета, фарфоровые китайские вазы с чудовищами, извергавшими пламя,

янтарного цвета шали, легкие, точно вздох, а в маленьких окнах, превращенных в выставки, красовались всевозможные безделушки дальнего Востока, из серебра, слоновой кости и черного дерева: черные слоны с белыми клыками, пузатые Будды, филигранной работы драгоценности, таинственные амулеты и кинжалы с чеканкой от рукоятки до острия клинка.

В перемену со всеми этими магазинами открытого портового города, живущего контрабандой, шли кондитерские, содержимые евреями, и кафэ и снова кафэ, одни в испанском вкусе, с круглыми мраморными столами, о которые с треском ударялись костяшки домино, с облаками табачного дыма и громкими разговорами, сопровождавшимися жестикуляцией, другие в духе английских *бар*, переполненных неподвижными и безмолвными посетителями, поглощавшими один *sos-tail* за другим, без всяких признаков возбуждения: только их носы становились все краснее.

Посредине улицы двигались взад и вперед, подобно маскараду, самые разнообразные типы и костюмы, так поразившие Агирре, как зрелище не похожее на остальные европейские города. Проходили уроженцы Марокко, одни в длинных белых или черных плащах, с капюшоном, словно монахи, другие в широких шароварах, с голыми ногами, обутыми в легкие желтые сандалии и с бритыми головами, защищенными чалмой. То были танхерские мавры, снабжавшие рынок курами и огородными растениями, хранившие свои деньги в кожаных расшитых сумках, висевших на их широких поясах, Марокканские евреи, одетые по восточному, в шелковых мешковатых одеждах и в священнических шапочках, проходили, опираясь на палку, робко влача свои тучные тела. По мостовой ритмически раздавались тяжелые шаги высоких, худых, белокурых гарнизонных солдат. Одни были одеты в простые куртки из хаки, как во время войны, другие щеголяли в традиционных красных мундирах. Белые или вызолоченные каски чередовались с плоскими, как тарелка, шляпами. На груди сержантов сверкали красные ленты, другие солдаты держали под мышкой тонкую трость – знак власти. Из воротника многих мундиров торчала чрезмерно тонкая, свойственная англичанам шея, длинная, как шея жирафа, с остро выдававшимся вперед кадыком.

Вдруг глубина улицы наполнялась белыми пятнами: словно подвигалась вперед с ритмическим шумом лавина белоснежных лепешек. То были фуражки матросов. С крейсировавших по Средиземному морю броненосцев сходил освободившийся от службы экипаж и улица наполнялась русыми бритыми парнями, белые лица загорели от солнца, голая грудь выделялась из синего воротника, к низу расширявшиеся панталоны, похожие на ноги слона, покачивались то в одну, то в другую сторону. То были молодые люди с маленькими головами и детскими чертами, с огромными ручищами, свисавшими вниз, точно им трудно было выдерживать их тяжесть. Группы матросов разбивались и исчезали в переулках в поисках трактира. Полицейский в белой каске тоскливо глядел им вслед, убежденный, что ему придется вступить не с одним из них в борьбу и просить: «потихе! именем короля!», когда при вечернем пушечном выстреле они отправятся изрядно пьяные на броненосец.

А попеременно с солдатами и матросами проходили цыгане с длинными палками и почерневшими от солнца лицами и старые отвратительные цыганки, пристававшие к владельцам магазинов, как только те выходили постоять у дверей, таинственно указывая на спрятанные под платком или юбкой предметы; евреи из города, в длинных сюртуках и блестящих цилиндрах, отправлявшиеся на какой-нибудь из своих праздников; негры – выходцы из английских колоний, меднолицые индусы с свисавшими усами, в широких коротких белых шароварах, похожих на фартук, еврейки из Гибралтара, высокие, стройные, элегантные, одетые в белое, выступавшие с корректностью англичанок, старые еврейки из Марокко, тучные, с вздутыми животами, в разноцветных платках, накинутых на голову вплоть до самых висков. Мелькали черные сутаны католических патеров, застегнутые на все пуговицы сюртуки протестантских пасторов, открытые длинные кафтаны почтенных раввинов, согбенных, бородатых, грязных, преисполненных священной мудрости.

Весь этот разнообразный мир, запертый в узком пространстве укрепленного города, говорил в одно и то же время на разных языках, переходя в течение разговора сразу с английского на испанский, произносимый с сильным андалузским акцентом.

Агирре с восхищением смотрел на полную движения картину Королевской улицы, на это постоянно возобновлявшееся разнообразие уличной толпы. На больших бульварах Парижа, просидев дней шесть в одном и том же кафэ, он уже знал большинство прохожих. Это были все одни и те же люди. А в Гибралтаре, не покидая маленькой главной улицы, он каждый день переживал сюрпризы.

Между двумя рядами домов, казалось, проходил весь мир.

Вдруг улица наполнялась людьми с войлочными шляпами на русых головах, с зелеными глазами и сплюснутыми носами. То было вторжение русских. В гавани бросил якорь океанский пароход, отвозивший в Америку этот груз человеческого мяса. Они рассеивались по всей улице, наполняли кафэ и лавки и в их нахлынувшей волне исчезало обычное население Гибралтара. Через два часа толпа исчезала и снова появлялись каски солдат и полицейских, фуражки моряков, чалмы и сомбреро мавров, евреев и христиан. Океанский пароход уже вышел в море, запасшись углем. Так сменялись в течение дня быстро появлявшиеся и так же быстро исчезающие шумные толпы всех народов континента. Этот город был как бы передней Европы, узким проходом, посредством которого одна часть мира сообщается с Азией, другая с Америкой.

При заходе солнца, наверху на горе сверкала молния выстрела и грохот «вечерней пушки» извещал иностранцев, не имевших права пребывания в городе, что они должны его покинуть. По улицам проходил игравший вечернюю зорю военный оркестр из флейт и барабанов, окружавших любимым англичанами национальный инструмент, большой барабан, на котором играл обеими руками потейя, с засученными рукавами, атлет с крепкими мускулами. За оркестром шагал Сан Педро, офицер под конвоем, с ключами от городских ворот.

Гибралтар оставался отрезанным от остального мира. Запирались ворота и опускные решетки. Сосредоточившись в себе, город весь отдавался религиозному рвению, находя в вере приятное времяпрепровождение перед ужином и сном.

Евреи зажигали в синагогах лампы и пели славу Иегове. Католики молились в соборе, склонившись над четками. Из протестантской церкви, выстроенной в мавританском вкусе, словно мечеть, вырывались, как небесный шепот, голоса девушек под аккомпанимент органа; мусульмане собирались в доме своего консула, чтобы гнусавым голосом произносить монотонные бесконечные приветствия Аллаху. В ресторанах, сооруженных протестантскими обществами трезвости во имя уничтожения порока пьянства, солдаты и моряки сидели трезвые, попивая лимонад или чай из чашек и вдруг затягивали гимны в честь Бога Израиля, который во время оно вывел евреев из пустыни, а теперь вел старую Англию по всем морям, дабы она могла во всем мире распространить свою мораль и свое сукно.

Религия настолько заполняла существование этих людей, что подавляла даже национальное различие. Агирре знал, что в Гибралтаре он не испанец, а – католик. Хотя большинство были английскими подданными, но они не помнили об этом и называли друг друга по вероисповеданиям.

Прогуливаясь по Королевской улице, Агирре выбрал себе любимую остановку – дверь индусской лавки, содержателем которой был индус из Мадраса, по имени Кхиамулл. В первые дни своего пребывания в городе он купил у него несколько подарков для своих кузин, живших в Мадриде, дочерей бывшего полномочного министра, покровительствовавшего ему в его карьере. С тех пор он останавливался перед магазином, чтобы поболтать с Кхиамуллом, маленьким человеком с бронзовым и зеленоватым лицом, с ярко черными усами, торчавшими над его губами, как усы тюленя. Его влажные нежные глаза, глаза антилопы, глаза кроткого загнанного животного, казалось, ласкали Агирре, как мягкий бархат. Он говорил с ним по испански, мешая с словами, произнесенными с андалузским акцентом, бесчисленное количе-

ство редких слов чужезадельных наречий, заученных во время своих скитаний. Он исколесил полмира за счет коммерческой компании, которой служил, и рассказывал о своей жизни в Капштате, Дурбане, на Филиппинах и в Мальте, с выражением скуки и усталости.

Иногда он казался молодым, иногда, напротив, лицо его становилось вдруг старческим. Люди его племени не имели определенного возраста. Меланхолическим голосом изгнанника вспоминал он о своей далекой солнечной родине, о великой священной реке, об индусских девушках, увенчанных цветами, со стройными и упругими телами, с бронзовыми животами, точно принадлежавшими статуям, видневшимися между украшенной драгоценными камнями кофточкой и полотняной юбкой. Если ему удастся сколотить столько, сколько нужно для переезда домой, он непременно женится на одной из этих девушек, с широко раскрытыми глазами и благоухающим, как розы, дыханием, едва вышедшей из детства. А пока что он живет, как аскет-факир среди обитателей запада, людей нечистых. Он не прочь с ними делать дело, но избегает их прикосновения. О! Лишь бы вернуться туда! Лишь бы не умереть вдали от священной реки!

И высказывая свои желания любопытному испанцу, расспрашивавшему его о далеких странах солнца и чудес, индус кашлял, кашлял со скорбным выражением, и лицо его становилось темнее, словно кровь, которая текла под его бронзовой кожей, была зеленого цвета.

Иногда, точно просыпаясь от сна, Агирре спрашивал себя, что он собственно делает в Гибралтаре. С тех пор, как он приехал сюда с намереньем отплыть, через пролив проехало уже три больших парохода, державшие курс к заокеанским странам. А он пропустил их, делая вид, что не знает, куда они едут, все снова и снова наводя справки об условиях путешествия, и писал в Мадрид могущественному дяде письма, в которых говорил о каких-то неопределенных болезнях, заставляющих его в данный момент отсрочить свой отъезд. Почему? Почему?

II

Встав на следующий день после своего приезда в Гибралтар с постели, Агирре посмотрел сквозь ставни своей комнаты с любопытством чужестранца.

Небо было облачно, настоящее октябрьское небо. И однако стояла приятная, теплая погода, изобличавшая близость берегов Африки.

На балконе одного из ближайших домов он увидел странное сооружение, большую беседку из положенных крест на крест камышей, украшенную зелеными ветками. Между занавесками пестрых кричащих цветов он увидел внутри хрупкого сооружения длинный стол, стулья и старинной формы лампы, висевшую с потолка. Что за странный народ, который имея квартиру живет на крыше!

Слуга из отеля, убравший его комнату, ответил на его расспросы. Гибралтарские евреи празднуют как раз праздник Кущей, один из самых больших праздников в году, установленный в память продолжительных скитаний израильского народа по пустыне. Чтобы не забыть о скорби и страданиях этого перехода, евреи должны были есть на вольном воздухе, в хижине, напоминавшей палатки и шалаши их отдаленных предков. Наиболее фанатичные, наиболее приверженные к старым обычаям, едят, стоя, с палкой в руке, словно после последнего куса должны снова отправиться в путь. Еврейские коммерсанты, живущие на главной улице, устраивают свою хижину на балконе, евреи из бедных кварталов – на патио или во дворе, откуда могли видеть кусок чистого неба. Те, кто по отчаянной бедности ютились в конурах, приглашались есть в хижины более счастливых с тем братским чувством, которое крепкими узами солидарности связывает представителей этого народа, ненавидимого и гонимого врагами.

Хижина, которую видит Агирре, принадлежит сеньорам Абоаб (отцу и сыну), банкирам-менялам, контора которых находится на этой же Королевской улице через несколько домов. И слуга произносил имя Абоаб (отца и сына) с тем суеверным почтением и вместе с тем с той ненавистью, которую бедняку внушает богатство, считаемое им несправедливостью.

Весь Гибралтар их знает! Знают их даже в Танхере, в Рабате и Казабланке. Разве сеньор ничего о них не слышал? Сын ведет дело, но отец тоже находится в конторе, освящая все своим присутствием почтенного патриарха, авторитетностью старости, которую еврейские семейства считают непогрешимой и священной.

– Если бы вы, сударь, видели старика! – прибавил слуга с болтливостью андалузца. – У него белая борода вот этакая, до самого брюха, а если бы его опустить в горячую воду, она сделалась бы более сольной, чем в горшке, где готовится пища. Он почти такой же грязный, как великий раввин, который у них в роде, как епископ. Но денег у них тьма тьмушая! Золото они забирают целыми пригоршнями, Фунты стерлинги – лопатами. А если бы вы видели пещеру, в которой они торгуют, вы удивились бы! Настоящая кухня! И не поверишь, что там могут храниться такие богатства!

Когда после завтрака Агирре вернулся наверх в комнату за трубкой, он заметил, что хижина сеньоров Абоаб была занята всей семьей. В глубине он, казалось, различал белую голову старика, председательствовавшего за столом, а по обе его стороны руки, опиравшиеся на стол, юбки и брюки: остальная часть их фигур была невидима.

На террасу вышли две молодые женщины, которые на минуту взглянули на любопытного, стоявшего у окна отеля; а потом обратили свои взоры в другую сторону, словно не замечая его присутствия. Сеньориты Абоаб не показались Агирре красавицами. Он подумал: красота еврейских женщин – одно из тех многих ложных мнений, освященных привычкой и временем, которые принимаются без всякой критики. У них были большие глаза, красивые, как глаза коров, подернутые дымкою и широко раскрытые, но их портили густые выпуклые брови, чер-

ные и сросшиеся, похожие на две чернильные черты. У них были толстые носы и под зарождавшейся тучностью начинала исчезать юношеская стройность их тел.

Потом вышла еще одна женщина, без сомнения, их мать, дама, до того полная, что тело её колыхалось при каждом движении. У неё были те же красивые глаза, также обезображенные некрасивыми бровями. Нос, нижняя губа и мясистая шея отличались дряблостью. Дама уже перешагнула за черту роковой зрелости, которая только что начинала обозначаться в дочерях. Лица у всех трех были желтовато-бледны, того некрасивого цвета, который свойственен восточным расам. Их толстые, слегка синие губы указывали на несколько капель африканской крови, примешавшихся к их азиатскому происхождению.

– Ого! – пробормотал вдруг Агирре, охваченный удивлением.

На террасу из глубины хижины вышла четвертая женщина. Вероятно, – англичанка. Испанец был в этом уверен. Смуглая англичанка с синева-черными волосами, с стройным телом и грациозными движениями. Вероятно, креолка из колоний, результат союза восточной красавицы и английского воина.

Без застенчивости посмотрела она на окно отеля, рассмотрела испанца пристальным взором дерзкого мальчика и смело выдержала его взгляд. Потом повернулась на каблуках, словно желая начать танец, обернулась к любопытному спиной и оперлась на плечи двух других молодых девушек, толкала их и с удовольствием, среди громкого смеха, тормозила их ленивые тучные тела своими руками сильного эфеба.

Когда они все вернулись внутрь хижины, Агирре оставил свой обсервационный пункт, все более убеждаясь в правильности своих наблюдений.

Несомненно, она не была еврейкой. И чтобы окончательно в этом убедиться, он в дверях отеля заговорил об этом с директором, знавшим весь Гибралтар. По нескольким словам тот угадал, о ком говорил Агирре.

– Это Луна – Лунита Бенамор, внучка старого Абоаб! Что за девушка! А! Первая красавица Гибралтара! Да и богата же. Самое меньшее – сто тысяч дура приданого!

Итак, она все-таки – еврейка!

После этого Агирре часто встречал Луну, в тесном городе, где люди не могли двигаться, не сталкиваясь друг с другом. Он видел ее на балконе её дома, встречался с ней на Королевской улице, когда она входила в контору деда, и следовал за ней иногда почти до самой Пуэрта дель Мар, иногда до противоположного конца города, до Аламеда. Она почти всегда ходила одна, как все гибралтарские девушки, воспитанные на английский манер. К тому же маленький город походил на общий дом, где все друг друга знали и где женщина не подвергалась никакой опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.